

Роберт Ригчер

Яков Вебер

25-го июня 1870-го года в колонии Бальцер в семье крестьянина Якова Вебера родился первенец, названный по отцу Яковом.

Он был ещё дошкольником, когда семья перебралась из Бальцера в колонию Зельман (Ровное). Это недалеко от Бальцера. Добраться туда можно двумя путями. Первый – более сухопутный и менее водный: через сёла Моор (Ключи) и Рогаткино доехать до села Золотое, а там останется только переправиться через Волгу. Но можно и так: доехать до села Мордовое за 12 вёрст, где ближайшая пристань, а далее – вниз по Волге до Зельмана. В любом случае набирается вёрст 40.

С 7-ми до 14-ти лет Яков Вебер учился в школе. Учился он хорошо. У него рано стали проявляться творческие способности: к музыке, к рисованию. Рисовал он всё: Волгу, пароходы, людей, воловьи и верблюжьи упряжки, коров, коз, собак; рисовал на чём попало, что оказывалось под рукой: обрывки бумаги, картон, доски и даже белёные стены домов.

Родители его, хотя и не были людьми образованными и не имели широкого кругозора, но всё-таки понимали, что их старший сын, безусловно, отличается от других детей, его сверстников, но что с этим делать, они не знали. Они были бедны, и жизнь их проходила в борьбе за кусок хлеба. Так что после окончания школы Якову пришлось делать всё то, что выпадало на долю других крестьянских детей: помогать матери по дому, а отцу - в столярной мастерской, где тот подрабатывал, да ещё постоянно трудиться на их небольшом участке в поле.

Но если выдавалось свободное время, он всё его отдавал своей страсти – рисованию. Добрые сердцем люди помогли ему приобрести несколько книг по изобразительному искусству, и он изучал по ним тонкости приготовления красок, способы грунтовки холстов, проекцию и перспективу, анатомию человека и животных.

Первую свою настоящую картину – красками на холсте – Вебер нарисовал в 1886-ом году. Называлась она «Гибель парохода «Вера». Этот почтовый пароход был одним из самых быстроходных на Нижней Волге. Однажды ночью, находясь недалеко от Ровного, он загорелся. Вебер оказался свидетелем происшествия, и оно произвело на него очень сильное впечатление.

Тогда же родилось у него намерение нарисовать ещё одну картину, и название было готово – «Утёс». Вниз по Волге, в 20-ти верстах от Ровного, на правом берегу её, зажатая между двумя глубокими оврагами, есть отвесная 40-метровая скала шириной метров в 60. По преданию, это тот самый знаменитый утёс Степана Разина, о котором слагали легенды и о котором поётся в известной

песне «Есть на Волге утёс». Вебер знал о нём только по рассказам, и он страстно хотел увидеть его воочию и нарисовать. Отпросившись у родителей, он пешком пошёл по берегу и через 4 часа увидел то, к чему стремился. Он сделал несколько эскизов из разных точек, потратив на это почти весь день, и только в сумерки отправился домой. Но картине родиться не пришлось: утёс, наблюдаемый с противоположного берега, в какой-то мере разочаровал его, не оправдал ожиданий, и ничего хорошего на холсте не рождалось. Только годами позже ему пришлось убедиться, что в этом ракурсе утёс не создавал того впечатления монументальности и дикости, которое возникало, если смотреть на него с борта судна, движущегося по фарватеру, который проходил почти вплотную к правому берегу.

В 1891-ом году Вебера призвали на военную службу, однако, вскоре выяснилось, что призван он незаконно: старший сын из многодетной крестьянской семьи, где остальные сыновья – несовершеннолетние, по тогдашним правилам призыву не подлежал, и он был демобилизован.

Был он рослым, широкоплечим парнем, видным собой, девушки засматривались на него. Вскоре родители подобрали ему невесту из довольно зажиточной крестьянской семьи; колебание жениха общими усилиями было преодолено, и Вебер стал семейным человеком, но как потом оказалось, скорее формально, чем по существу.

В 1892-ом году Вебер уехал искать счастья в Саратов. На этот раз ему пришлось преодолевать сопротивление и жены, и родителей, и тестя с тётцей. В Саратове он обратился к бывшему ровенскому аптекарю Юлиану Заммелю, имевшему знакомства в интеллигентских кругах города. Аптекарь взял извозчика и повёз Вебера к директору Радищевского музея, с которым был довольно близко знаком. Тот посмотрел веберовскую «Веру» и несколько других картин и эскизов, которые молодой художник привёз с собой, и дал ему контрольную работу – сделать копии с двух небольших картин. Когда задание было выполнено, директор объявил, что берёт его младшим служителем с небольшим, но достаточным для скромной жизни окладом жалованья. Вебер этому был, конечно, бесконечно рад.

Здесь нельзя не сказать нескольких слов о Радищевском музее. Он был явлением совершенно неординарным для России – это был первый в стране общедоступный художественный музей. Идея его создания принадлежала Алексею Петровичу Боголюбову, внуку крамольного писателя екатерининского времени А.Н.Радищева. Сам Боголюбов, известный художник, жил в то время во Франции и был главой колонии русских живописцев. Его задумку по организации музея поддержали жившие тогда в Париже писатель И.С.Тургенев, скульптор М.М.Антокольский, художники В.Д.Поленов и И.Е.Репин.

Здание музея было построено частично на средства города, частично на пожертвования горожан, в центре Саратова, на улице Никольской (проектировал его академик архитектуры И.В.Штром). Боголюбов передал в музей часть своей коллекции картин, а также завещал ему все свои капиталы (а их было более 100

тысяч рублей) и оставшуюся часть коллекции. Но при этом обязательным условием он поставил присвоение музею имени своего деда. Активное участие в осуществлении этого культурного проекта принял сам император Александр III, передавший в музей большую коллекцию картин, а также один из наиболее видных его сановников – К.П. Победоносцев – финансами.

Музей был открыт в торжественной обстановке в июле 1885-го года. И через 120 лет после этого события он имеет славу истинной жемчужины в ряду учреждений такого рода в России.

Вскоре директор поручил Веберу работу по копированию картин, выделив ему для этого всё необходимое: помещение, мольберт, холсты, краски, кисти и всё другое. Работа эта, выполняемая с отменным качеством, привлекла внимание крупного знатока живописи В.В. Коновалова. Василий Васильевич сам был ещё молодым человеком, ему было 30 лет, но он имел в интеллигентских кругах города авторитет талантливого художника и способного преподавателя. После окончания в 1882-ом году Педагогических курсов при Императорской академии художеств он приехал из Петербурга в Саратов, и уже через несколько лет был нарасхват: стал членом совета старейшин саратовского Общества любителей изящных искусств, руководителем художественной школы этого общества, руководителем Боголюбовского художественного училища при Радищевском музее и даже руководителем фундаментальной библиотеки Саратовского реального училища № 1.

Его учениками были почти все художники, родившиеся в Саратове в последней трети XIX века: Виктор Борисов-Мусатов, Пётр Уткин, Фёдор Корнеев, Павел Кузнецов.

Вебер начал вольнослушателем посещать его студию, и Коновалов наравне с официальными студийцами учил его всем премудростям их дела, а в трудную минуту, случалось, ссужал и деньгами.

С позволения директора музея Вебер начал делать копии с некоторых картин для себя и нередко довольно выгодно продавал их. Опять-таки с молчаливого одобрения директора он нарисовал несколько портретов местных купцов, они заказчикам очень понравились, пошли ещё заказы, и у молодого художника появилась почти постоянная статья дохода. Это позволило ему снять квартиру, перевезти к себе жену, которая ждала ребёнка, и начать, наконец, оказывать помощь родителям, которые, как уже говорилось, жили далеко не богато.

Так прожил он 4 года. Но то, чем он занимался, начало тяготить его: эти надоевшие копии с чужих картин, эти портретные физиономии, эта вечная необходимость отдавать время не полёту фантазии, а содержанию семьи, где было уже двое детей, – всё угнетало. И только летом, на месяц-полтора уезжая в Ровное, поручив жену и детей заботам родителей, забывал он об этих хлопотах и отводил душу, рисуя Волгу, волжские берега, восходы и закаты, пароходы и лодки, рыбаков и баб.

Тяготило его ещё одно обстоятельство: ему шёл 27-ой год, а он нигде ещё как следует не учился; многие его сверстники закончили к этому возрасту училища или даже Академию художеств и стали дипломированными специалистами, не только усовершенствовались в мастерстве, но и получили право преподавать и открывать собственные студии.

В 1897-ом году Вебер принял решение и, бросив всё: жену с детьми, музей, копии и портреты, – уехал в Москву. Сразу по прибытии туда отправился он в художественное училище и обратился к его директору с просьбой посмотреть его работы. Тот внимательно отнёсся к этой просьбе и, просмотрев всё, дал Веберу рекомендательное письмо к директору частной студии К.Коровину. Вебер уже слышал о нём.

Константин Алексеевич Коровин (1861-1939 годы), выпускник Московского художественного училища 1880-го года, был уже к тому времени известным художником, создателем многих полотен. Знатоки восхищались его картинами «Испанки Ленора и Малибора» (1886-ой год), «У балкона» (1888-ой год), «Портрет артистки Любатович» (1889-ый год), «Зимой» (1894-ый год). В его студии занимались 15 человек, которые за свою учёбу платили довольно большие деньги – по 50 рублей в месяц (для сравнения: жалование, равное этой сумме, получал армейский поручик, квалифицированный рабочий – в два-три раза меньше). Конечно, таких огромных денег у Вебера не было и быть не могло, тем более что всё, что удалось скопить в Саратове, он оставил семье. Но Коровин взял его к себе и не только не требовал платы за учёбу, но и снабжал его материалами для работы: красками, холстами, подрамниками; он же и подкармливал его по утрам печеньем и чаем.

Вебер с головой ушёл в учёбу. Коровин не оставлял без внимания его способностей и трудолюбия, постоянно отмечал его успехи. Но через полгода выяснилось, что Коровин распускает студию и уезжает в Париж. Он пригласил Вебера к себе домой и предложил ехать с ним. «Там, – сказал он ему, – вы быстро добьётесь успеха. Можно обойтись без французского языка: там целый русский квартал». Но Вебер не поехал. «Мне показалось невозможным покинуть родину, – писал он позднее. – Я любил свои просторы, любил Волгу, любил поля и леса... Чувства мои одержали верх над разумом Я поблагодарил и отказался».

Перед отъездом Коровин дал Веберу совет показать свои работы профессору Савицкому, который только что (был конец 1897-го года) был назначен директором вновь открытого в Пензе художественного училища (оно живо и поныне, носит имя художника Н.Д.Селиверстова).

Константин Аполлонович Савицкий (1844-1905 годы), член Товарищества художников-передвижников, автор известных в то время картин «Ремонтные работы на железной дороге» (1877-ой год), «Встреча иконы» (1878-ой год), «Грузчик» (1885-ый год), был очень авторитетным человеком в художественном мире, академиком и профессором.

Крупноголовый, в пенсне, с чёрными усами и седой бородой, привычно хмурый академик долго рассматривал веберовские работы, а потом сказал: «В вашем возрасте, конечно, было бы лучше учиться в Париже, но вас ведь всё равно будет тянуть домой, в Россию, а здесь добиться признания так трудно. Вы мне нравитесь, поехали со мной в Пензу. Я буду вам, коль пожелаете, учителем, другом и отцом».

Вебер немедленно согласился.

Училище в Пензе было создано стараниями Савицкого (при финансовом обеспечении со стороны местных купцов-меценатов), он же разработал для него программу преподавания. И хотя для Вебера на первых порах зачисление в него было шагом назад, ибо пришлось повторять то, что было уже пройдено у Коровина, но вскоре всё встало на своё место: мэтр определил его в небольшую группу особо одарённых своих учеников.

Обучение там не было платным, но и стипендии тоже не было. Веберу приходилось выкручиваться, жить впроголодь, давать частные уроки рисования, а то и (в тайне от учителя) писать портреты.

Так же в тайне от него по заказу одной из поволжских немецких церквей он взялся писать большую алтарную картину. Савицкий увидел её тогда, когда Вебер накладывал последние мазки, исправляя то, что самому ему не нравилось. «Прекратите, – закричал на него мэтр, – не трогайте больше ничего! Это же великолепно!»

В период учёбы в Пензе Вебером было написано несколько полотен: «Крестьянский двор», «Лошадь под навесом», «Цыганская телега», «Дорога», «Нищий», «Гумно» и некоторые другие. Одна из них, «Портрет крестьянина в полушубке», была тут же куплена Пензенской картинной галереей. Свои картины Вебер писал в манере, присущей русским художникам-реалистам, но с характерной веберовской дымкой, ставшей отличительным признаком его работ.

Студию Савицкого Вебер закончил в 1901-ом году. Ему было 31 год. Не юноша, но муж, к тому же отец семейства, где росли уже двое сыновей, которых он видел лишь летом, во время каникул, и с матерью которых отношения у него становились всё хуже и хуже. Вроде самое время пришло эти отношения крепить заново: стать, наконец, самостоятельным, учить рисованию молодёжь, писать картины, открывать собственное дело. Препград для этого уже не было: диплом, выданный ему, свидетельствовал, что он «имеет право преподавать рисование, черчение и чистописание в средних учебных заведениях, а также иметь приватную студию по обучению юношества рисованию».

Но нет! В кармане, рядом с дипломом, лежала написанная Савицким рекомендация для поступления в Академию художеств в Петербурге. И он уехал в столицу, и был принят на подготовительное отделение, и через полгода, успешно пройдя испытания, стал студентом факультета живописи.

Некоторое время спустя из Пензы пришли его картины, и их приняли на академическую выставку. Там Вебер был удостоен 1-го места, и три его полотна были приняты Академией для своего музея.

Веберу как сыну крестьянина согласно тогдашнему законодательству была назначена стипендия. Но при этом руководство Академии предложило ему провести год на так называемых Академических дачах, филиале Академии – большом поместье под Вышним Волочком, где, как писал сам Вебер в 1951 году в письме к А.В. Храбровицкому, «окружающая природа с озером, причудливыми извилами реки Мсты, рощами на её берегах и ровными полями, холмами и долинами была настолько живописна, что по признанию многих художников, побывавших за границей, лучшего места для пейзажистов, чем этот уголок тверской земли, не найти было ни в каких Европах».

Там учителем Вебера стал художник-пейзажист профессор А.А.Киселёв, опытный педагог, но человек с очень непростым характером.

Веберу здесь понравилось, и он с головой ушёл в учёбу и в работу. Одна за другой рождались картины «Утро», «Облака в солнечных лучах», «Стадо на водопое», «Берёзы на голубом фоне», «Три коровы» и многие другие. Здесь, в академическом поместье, окончательно сформировался своеобразный тип веберовской ландшафтной живописи, по которому специалисты потом безошибочно определяли его картины. Одна из картин этого периода в 1903-ем году опять получила 1-ый приз на выставке академических работ. Это было небольшое полотно с рабочим названием «Полдень. Коровы» (выставочное название – «Стадо на водопое»).

Создаётся при этом впечатление, что, отправляя Вебера на эти самые Академические дачи, руководство Академии исходило из так называемых классовых позиций: всё-таки этот поволжско-немецкий крестьянский сын вряд ли мог вписаться в среду питерских академических гениев и снобов, а так – всё решалось компромиссно: и вроде бы он и в Академии, и в то же время не путается под ногами там, на Университетской набережной.

На Академических дачах познакомился Вебер с Лидией Фрайвальд, фельдшерицей, отец которой служил там садовником. Она стала его второй, гражданской, женой; конечно, никакого официального статуса этот брак иметь не мог: Вебер был женат и вряд ли мог быть разведён.

В 1905-ом году в связи с начавшимися беспорядками в стране правительство закрыло ряд учебных заведений, в том числе и Академию художеств. Всем студентам пришлось разъезжаться по домам (академия вновь открыта была лишь в 1907-ом году).

Вебер с женой и годовалым сыном (его назвали Леонардом) уехали в Саратов. Для летней работы Вебер купил дом с хозяйственными постройками и приусадебным участком прибрежном селе Русская Щербаковка (рядом с ней, почти вплотную, стояла ещё одна Щербаковка – Немецкая, или Мюльберг; на

нынешней карте единая теперь Щербаковка находится в Камышинском районе Волгоградской области, а самой границе с Красноармейским районом области Саратовской). Понятно, что дорога в Ровное ему и его новой семье была заказана. Ни местное общество, ни семья первой жены, ни даже собственные родители в связи с его вторым браком не считали возможным для себя иметь с ним отношения: они твёрдо знали, что браки заключаются на небесах, и тот, кто нарушает эту заповедь, грешник, изгой.

В Саратове Вебер близко сошёлся с новым директором Радищевского музея Вячеславом Петровичем Рупини, который, несмотря на свою молодость, успешно справлялся не только с делами музея, но и директорствовал в Боголюбовском рисовальном училище. Вебер пожертвовал музею две свои картины, ещё две Рупини у него купил, и они выставлялись в музее вплоть до 1938-го года, и сняты были, и куда-то засунуты, когда автор стал для власти персоной нон грата.

Подружился Вебер и с Фёдором Корнеевым, с которым он знаком был ещё с прежних саратовских времён и который теперь преподавал живопись в Боголюбовском училище. Приехавший в начале 1906-го года в Саратов Александр Матвеев привёз скорбную весть о кончине в Тарусе Виктора Борисова-Мусатова. Корнеев, друживший с Борисовым-Мусатовым, начал вынашивать идею создания памятника на его могиле. Куда-то сгинул начавший хандрить и больше меры пить Коновалов, периодически уезжавший то во Францию, то в Кисловодск, то в Москву, разбазаривший все свои сбережения и утративший и свой оптимизм, и свой лоск.

Ко второму саратовскому периоду относятся картины Вебера «Сумерки на Волге», «Дождь на Волге», «Волга. Яблоновка», «Облака», «Женщины за стиркой», «Волга через молодую листву», «Пароход на Волге», «Пасмурный день», «Тишина», «После бури».

В 1907-ом году супруги уехали в Петербург. Вебер восстановился в Академии Художеств и закончил её в 1909-ом году (попутно закончил ещё и педагогические курсы, в которых когда-то получил образование Коновалов). Теперь он, наконец, стал обладателем нескольких дипломов и званий. Да оно и пора: ему исполнилось уже 39 лет.

Веберы обосновались в Петербурге, но жили здесь только зимой, весной же уезжали в Щербаковку и возвращались назад осенью. На весенней художественной выставке Общества русских акварелистов в Петербурге в 1910-ом году картина Вебера «Сумерки на Волге» была удостоена 1-ой премии, в 1911-ом году ту же премию присудили картине «Мельница». В том же 1911-ом году руководство Академии художеств для участия в международной выставке в Риме отобрало картину Вебера «Гумно».

Сразу после окончания академии Вебер открыл свою платную студию, учиться в которой из-за довольно высокой платы могли только дети обеспеченных родителей. Собственные картины его тоже неплохо раскупались. В семью его, наконец-то, на сороковом году жизни пришёл настоящий достаток.

В 1913-ом году, благодаря энергии Вебера, в Петербурге было основано «Художественное товарищество» по примеру «Санкт-Петербургской артели художников», возникшей в 60-ых годах 19-го века, или «Товарищества передвижных художественных выставок» 70-ых годов, члены которого известны как «передвижники».

Соратниками Вебера по этому начинанию были художники Иван Дроздов и Михаил Курилко и скульптор Михаил Керзин. Они сняли целый этаж в одном из дворцов на Васильевском острове, где при их организационном начале стали проводиться собрания и выставки художников, большей частью молодых, значительном числе вошедших и в «Товарищество». Умело поставленная финансовая работа позволила «Товариществу» в короткий срок организовать выставки в Казани, Перми и Омске. В планах на ближайшее время был вернисаж в Англии и Голландии.

В штаб-квартире общества была восстановлена старая, пошедшая ещё от «Артели художников» традиция еженедельных собраний, так называемых «четвергов», в которых принимали участие не только члены «Товарищества», но и другие люди искусства: художники, скульпторы, литераторы, артисты. И.Е.Репин, которого организаторы «Товарищества» приглашали в председатели (лучше сказать – в президенты), от председательства отказался, но от всей души приветствовал это начинание молодого поколения. К слову сказать, некоторые из «стариков» отнеслись к нему, этому начинанию, или скептически, или откровенно враждебно.

Общественность немецкого Поволжья решила торжественно отметить наступающее в 1914-ом году 150-летие основания первых немецких поселений на Волге. В разрезе этой программы с французской фирмой «Ришар» был заключен договор на изготовление массовым тиражом цветных репродукций с портретов известных поволжско-немецких деятелей (в их число попал и Вебер), а также с семи картин Вебера, которые он представил для этой цели: «Дед Мазай и зайцы», «Осенний лес», «Зимняя ночь» и другие. Картины были отправлены в Париж.

Летом 1914-го года началась война. «Когда стреляют пушки – музы молчат».

Богемная жизнь в столице круто пошла на спад, стало не до художественных выставок и «четвергов». Тем более Веберу, с его немецкой фамилией. Пошла чёрная полоса в жизни. Остались за границей и оказались навсегда утраченными и картина, отправленная в Рим, и полотна, увезённые в Париж. По указанию властей закрыта была его студия. Жить становилось трудно. Вебер продал часть своих картин (при этом половину вырученных денег он передал в солдатский госпиталь), закрыл все дела, связанные с «Товариществом художников» и решил вообще уехать из столицы.

По Санкт-Петербургу, уже ставшему Петроградом, в те дни прокатилась волна погромов и реквизиций, при этом пострадали и мастерские художников с немецкими фамилиями. Веберу при этом особенно не повезло: у него были

вывезены оставшиеся картины не только из мастерской, но и из домашнего хранилища; лишь около десятка произведений его, не предназначавшиеся им для продажи и отданные им на хранение знакомому пастору, не были изъяты.

Ранней весной 1916-го года Вебер с семьёй уехал в Щербаковку и больше в Петроград уже не возвратился. Жить было трудно, денег не было. Хотел заполучить назад картины, спрятанные в Петрограде, но и здесь не повезло: пастор умер, а картины бесследно исчезли.

Ему было 46 лет, и ничего у него не стало: ни денег, ни картин, ни условий для работы. Что толку в таланте, если его негде реализовать? Посадили с женой огород, тем и кормились.

Потом начались революции, и жить стало ещё хуже. Ему и его семье пришлось вынести всё то, что выпало в те годы на долю народа: и голод, и холод, и унижение. Однажды в начале 1919-го года налетевшие на Щербаковку повстанцы чуть было его не расстреляли; спасибо, местные мужики отстояли его.

В 1918-ом году новая власть организовала в Щербаковке детскую трудовую коммуну. Вебер стал работать там учителем и даже организовал нечто похожее на художественную студию. Очень хотелось рисовать и самому, но из-за трудностей с красками, холстами и бумагой желания оставались лишь желаниями.

В начале 20-ых годов о Вебере хоть немного, но вспомнили. Комиссариат просвещения только что организованной Республики немцев Поволжья дал ему заказ на иллюстрацию готовившихся к изданию детских книг. Изголодавшийся по творчеству художник за короткое время сделал около трёхсот иллюстраций. Немного даже заплатили за сделанное, но что особенно было дорого – это то, что помогли с материалами для настоящей работы. Вебер опять начал писать картины.

В 1927-ом году в Центральном музее АССР НП был открыт отдел искусств. Начало художественной коллекции отдела положил Я.Вебер: он подарил музею 10 своих картин. В этом же году Вебер, не расставаясь с домом в Щербаковке, переехал на жительство в Покровск. Он преподавал в Доме народного творчества, руководил студией для одарённых подростков и, естественно, рисовал, пусть не так активно, как в молодые годы, но рисовал и выставлялся.

В том же 1927-ом году в Покровске состоялась первая республиканская художественная выставка. Веберовские работы, на ней представленные, сразу привлекли внимание посетителей и талантливостью замысла, и мастерством исполнения (ведь среди них было очень мало таких, кто имел представление о его прошлом творчестве). Принял Вебер участие и во второй выставке в 1929-ом году. К этому времени он стал уже почти своим человеком в интеллигентских кругах республики, познакомился со многими деятелями культуры, а с некоторыми из них: А.Эмихом, А.Лонзингером, Г.Дингесом, П.Рау – сошёлся довольно близко. Из картин, написанных им во второй половине 20-ых годов, известны далеко не все,

лишь некоторые: «Вечер на Волге», «Золотая осень», «Рыбак», «Щербаковка», «Последний рейс», «Ранняя весна», «Закат».

Советская власть относилась к Веберу довольно настороженно. С одной стороны, вроде бы и признавались и талант, и мастерство художника, а с другой, в критических заметках о его творчестве всё резче звучали слова о несвоевременности пейзажной живописи, о его «нежелании изображать социалистические преобразования», о его пристрастии к дореволюционной манере творчества. Однако совершенно не признавать очевидных достоинств его картин власть тоже (пока) не хотела: всё-таки уровень его творчества по сравнению с опытами «пролетарской» молодёжи был настолько выше, что с этим приходилось (пока!) считаться. В 1934-ом году Вебер был удостоен звания «Заслуженный художник АССР НП». В том же году в Саратове на выставке работ художников Саратовского края картины Вебера были признаны лучшими, о нём была помещена хвалебная статья в краевой газете.

В 1936-ом году Вебер, которому удалось выхлопотать себе небольшую пенсию, оставил службу и возвратился в Щербаковку.

В 1937-38 годах многие научные и творческие работники Республики НП были облыжно обвинены в совершении различных политических преступлений и арестованы. Одних расстреляли, других отправили в лагерь, некоторым относительно повезло: им предстояла ссылка в дальние края. В числе последних был и арестованный в начале 1938-го года 68-летний художник Яков Вебер. Его отправили в село Карасу Кустанайской области Казахстана.

Творческая жизнь прекратилась, осталась только борьба за выживание. В 1942-ом году ему разрешили уехать к младшему сыну Леонарду в село Кзылту Кокчетавской области, где тот оказался на высылке (жены Вебера уже не было в живых).

В 1956-ом году президиум Сталинградского областного суда отменил приговор 1938-го года, Вебер был реабилитирован как невинно осуждённый.

В 1957-ом году он вместе с семьёй сына переехал в чувашский город Цивильск. Ему удалось ещё раз, через 20 лет, увидеть Волгу, которую он столько раз воспел в своих картинах. Съездить в родные края старый и больной художник уже не мог.

20-го февраля 1958-го года Яков Яковлевич Вебер умер. Умер не только человек по фамилии Вебер, не стало и художника Якова Вебера: одни его картины погибли, другие валялись в музейных запасниках, третьи укромно скрывались в частных коллекциях.

В 1995-ом году, в год 125-летия со дня рождения, в Краеведческом музее города Энгельса, бывшем Центральном музее АССР НП, усилиями общественных немецких организаций была собрана персональная выставка произведений Якова Вебера. Для большинства её посетителей имя художника стало открытием.